

**«ВЕЗДЕ БЕСПОКОЙНО, КРОМЕ ЯСНОЙ:
ТУТ САНАТОРИЯ»: МОТИВ РАЗРУШЕНИЯ УСАДЕБ
В «ЯСНОПОЛЯНСКИХ ЗАПИСКАХ»
Д. П. МАКОВИЦКОГО¹**

Андреева Валерия Геннадьевна,

*доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, г. Москва
E-mail: lanfra87@mail.ru*

**“EVERYWHERE IS WORRIED, EXCEPT THE YASNAYA:
HERE IS A SANATORIUM”: THE MOTIVE
OF THE DESTRUCTION OF ESTATES IN
D. P. MAKOVITSKY’S “YASNOPOLYANSKIY NOTES”**

Andreeva Valeria,

*DSc in Philology, Leading Researcher, A. M. Gorky Institute
of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow
E-mail: lanfra87@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается мотив разрушения усадеб, реализованный в «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого, критическое состояние дел помещиков в 1905–1907 гг. и особенное положение Ясной Поляны как усадьбы великого писателя и мыслителя.

Ключевые слова: мемуары, Л. Н. Толстой, Ясная Поляна, усадьба, усадебная жизнь, мотив разрушения, Д. П. Маковицкий.

Abstract. The article discusses the motif of the destruction of estates, implemented in the «Yasnopolyansky Notes» by D. P. Makovitsky, the critical state of affairs of the landowners in 1905–1907 and the special position of Yasnaya Polyana as the estate of the great writer and thinker.

Keywords: memoirs, L. N. Tolstoy, Yasnaya Polyana, estate, estate life, destruction motive, D. P. Makovitsky.

Мемуарная литература о Л. Н. Толстом достаточно обширна, она включает не только воспоминания детей и близких людей писателя, его помощников, соратников, но и записки гостей, порою

© Андреева В. Г., 2022

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

лишь один раз посетивших Ясную Поляну. Последние вряд ли могут считаться авторитетным источником о жизни Толстого — к рубежу XIX и XX вв. писатель приобрел такую популярность, что многие создавали о нем выдуманные истории, приукрашивая описание визитов в усадьбу (несмотря на радушие Толстых и открытость их дома, общался писатель далеко не со всеми). А вот записки близких Толстому людей вкупе с анализом его дневников и писем позволяют обратиться к некоторым интересным аспектам жизни Ясной Поляны начала XX в. — времени сложного и кризисного для всей России.

На основании анализа дневников и писем Толстого последнего десятилетия его жизни можно сделать вывод о том, что писатель все меньше внимания уделял внешним событиям. «Чем больше занят собою, своей душою, тем меньше занят внешним миром, и тем больше добра вносишь в мир», — записал Толстой в дневнике 24 мая 1905 г. [6, с. 143]. Однако он не был равнодушен к происходящему, следил за политической и общественной ситуацией. В свете внимания не только Толстого, но и его родных к вопросам усадебной жизни 1905—1907 гг. особенно интересны записки врача Д. П. Маковицкого, жившего в Ясной Поляне и прекрасно отразившего проблему возможного покушения на спокойную усадебную жизнь во время Первой русской революции. Хронологически записки Маковицкого относятся к концу октября 1904 г. — ноябрю 1910 г.: все это время личный врач Толстого находился рядом с ним (отлучаясь несколько раз на две-три недели), присутствовал при кончине писателя. Исследователи отмечают, что на фоне многих других воспоминаний «Яснополянские записки» очень ценны своей объективностью: «Записки Маковицкого, которые он вел изо дня в день, выгодно отличаются от дневниковых записей других современников из окружения Толстого исключительной, буквально стенографической полнотой» [2, с. 602]. Кроме того, велись эти записки в напряженные годы и месяцы. В. Ф. Асмус справедливо подчеркнул, что «время, когда Маковицкий поселяется в яснополянскую усадьбу и начинает вести свои беспримерные записи о днях и трудах великого писателя, было нелегким для России, для Ясной Поляны и для самого Толстого. Шла злосчастная русско-японская война, начиналась первая русская революция. Толпившиеся вокруг трона и близкие к нему безответственные авантюристы навязали России казавшуюся им легкой войну на Дальнем Востоке» [1, с. 11].

Как можно судить по заметкам Маковицкого (и другим источникам), Толстому проблема собственности доставляла нравственные мучения. Писатель трепетно относился к вопросу преемственности и наследования. «У Л. Н. есть почитание предков — их портретов, посаженного ими леса, сада...», — отмечает Маковицкий 30 октября 1904 г. [4]. Однако сильнее оказывалось в писателе чувство боли за роскошную усадебную жизнь: хотя Толстой старался максимально отказаться от всех удобств, почти не пользовался помощью прислуги, он остро ощущал разницу между образом жизни помещиков и простого народа.

«Мария Александровна сказала, что Л. Н. и болеет, и тоскует от своей роскошной жизни. Недавно он был с Бутурлиным у яснополянского философа-эпикурейца, мужика. “Что вы перестали ко мне ходить?” — спросил Л. Н. — “Ты все только толкуешь, а землю кругом скупил и Телятинки, мы бьемся, как караси в сети”, — ответил тот», — отмечает Маковицкий 15 мая 1905 г. И далее фиксирует слова Толстого по его возвращении: «“Когда пришел домой, два лакея мне прислуживали”, — сказал Л. Н.» [4]. Примечательна запись Толстого в дневнике от 24 мая 1905 г., появление ее связано, видимо, со встречей с Бутурлиным: «Говорят о нечестности крестьян, о лживости, воровстве. Это-то и ужасно. Ужасно то, что мы, те, которые ограбили и грабим крестьян, — мы виноваты в этом. Какой честности, правдивости требовать от человека по отношению к разбойникам, которые ограбили и захватили его?» [6, с. 142]. Характерна употребленная писателем лексема — «разбойники». Ее же он использует позднее, к примеру, при описании сотрудников местной полиции, которые арестовали и взяли под надзор в доме Толстых его секретаря Н. Н. Гусева. В данном случае «разбойниками» в представлении Толстого оказывались помещики. Один из широко используемых Толстым приемов в художественном творчестве позднего периода — прием контраста — находит широкую реализацию и в ежедневных разговорах писателя. «Вечером за чаем Л. Н. читал вслух ответ лакею (“Опрокинутую телегу”) и “Ягоды”. Контраст крестьянской трудной, осмысленной жизни и праздной господской. ... Когда кончил, Софья Андреевна сказала: “Вот господам досталось!”» — отмечает Маковицкий 13 июня 1905 г. [4].

Помимо реакции самого Толстого на события Маковицкий передал отношение к усадебной жизни его домочадцев. В отличие от Толстого, достаточно спокойно относившегося к начавшимся

волнениям и часто занимавшего сторону крестьян, С. А. Толстая, его дочери и сыновья были обеспокоены начавшимися волнениями и волной преступлений, ожидали нападения на Ясную Поляну. И нужно сказать, что у Толстых были основания для переживаний. Анализируя юридическую статистику правонарушений в Тульской губернии с 1900 г. по 1917 г., О. И. Краюшкина отмечает шесть групп преступлений, из которых первую группу (до 55% от всего числа) составляли преступления «против собственности (лично-го имущества) граждан, т. е. истребление и повреждение чужого имущества поджогом или другим образом, разбой, грабеж, кража, мошенничество, преступления и проступки по договорам и другим обязательствам, незаконное лишение прав состояния, присвоение и утайка чужой собственности» [3, с. 54].

Маковицкий вспоминает о своей беседе с А. Л. Толстой, которая, указывая на березы, когда они вместе шли в амбулаторию, сказала: «На этих березах будут нас вешать. В Туле 12 000 новобранцев, сколько фабричных; если будет революция, что они будут делать! Ужас!» (10 января 1905 г.) [4]. Кроме неприятных известий и предчувствий, были и угрозы в адрес жителей Ясной Поляны. В октябре 1907 г. в усадьбе получили телеграмму из Подольска: «Ждите гостя. Гончаров». Родные Толстого были уверены, что это предостережение о возможном нападении.

К лету 1905 г. относятся несколько записей Маковицкого, зафиксировавшего удрученное состояние С. А. Толстой и А. Л. Толстой, связанное с возможной угрозой нападения и поджога усадьбы. «Софья Андреевна: На станции разбросали прокламации, что сожгут усадьбу Толстого и всех дачников» (18 июня 1905 г.) [4]; «Софья Андреевна говорила, что на станции Засека были разбросаны листки, чтобы крестьяне свозили урожай себе, иначе Ясную Поляну сожгут, и что 29 июня подожгут усадьбу и дачу» (21 июня 1905 г.) [4]; «Сегодня опять разбросали прокламации в Ясной, чтобы мужики урожай с барских полей свезли к себе. А Бибииков хочет с напоенными мужиками угнать скот из Телятинок и сжечь усадьбу. Этот слух принесла Александра Львовна. Софья Андреевна не сомневается, что Бибииков и телятинские могут так поступить. О яснополянцах же думает, что они поведут себя разумно» (5 июля 1905 г.) [4]. Обратим внимание на тот факт, что С. А. Толстая в большей степени доверяла яснополянским крестьянам, при этом полагаясь на возможную охрану и отмечая свое исключительное отношение к мужикам: «Нас, стариков, убьют, придет войско,

им плохо будет. После нас же у них не будет таких господ. И Тула близка, есть охрана» (5 июля 1905 г.) [4].

По воспоминаниям Маковицкого, Толстой не только понимал степень возможной опасности, но радел за народ, надеялся на его благоразумие. «И мое то же впечатление, что революция выдохлась. Я от народа не ожидал участия», — говорил Толстой 1 августа 1905 г. «Л. Н. желал бы, чтобы народ не участвовал в погроме ни усадеб, ни евреев», — пишет Маковицкий [4].

Недобрые вести о грабежах и поджогах усадеб продолжали беспокоить обитателей Ясной Поляны. Примечательны в воспоминаниях Маковицкого реплики М. С. Сухотина, зятя Толстого, который поведал о происшествиях в Москве и разных губерниях: «Михаил Сергеевич рассказывал, как в их уезде Л. Н. Яковлев, студент Технологического института, сын помещика-адмирала, уговаривает крестьян “выкуривать” помещиков, и сразу всех. Мужики говорят, что в Тамбовской, Саратовской, как только сожгли усадьбы, сейчас явилась тьма казенных землемеров резать землю мужикам» (20 августа 1905 г.) [4]. Однако наделенный прекрасным чувством юмора М. С. Сухотин сразу же метафорически обозначил особенное положение Ясной Поляны — не просто как усадьбы, а как места жительства писателя и мыслителя Толстого. «Везде беспокойно, кроме Ясной: тут санатория. Мы решили в санатории мясной пищи не есть, не варить, кроме как для прислуги» (20 августа 1905 г.) [4].

В ноябре 1905 г. появляются новые неприятные вести: «Ездивший в Тулу приказчик рассказывал, что там ходит слух, будто в Ясной Поляне скрывают разных социалистов, и мужики, наверное, придут к нам бить и грабить. Л. Н. встретил три раза какого-то незнакомого человека, который глядел в землю», — записывает Маковицкий 5 ноября 1905 г. Немного позднее в усадьбу приходят известия о грабеже и разбойных нападениях на непосредственных соседей Толстых: новость о зарезанных у Строгановых жеребцах заставляет А. Л. Толстого бояться разгрома Ясной Поляны.

Характерно описание поведения помещицы А. Е. Звегинцевой, у которой 20 ноября 1905 г. была в гостях А. Л. Толстая, узнавшая, что Звегинцева «продает всю скотину, отпустила садовника и дворню, кроме дворового старосты. Ему велела в случае надобности отдать землю крестьянам, лишь бы не трогали усадьбы. Капиталы перевела за границу, сама уезжает туда же. Портреты и другие ценные вещи хотела закопать в землю, но потом решила

взять с собою» [4]. Как можно судить по переданным Маковицким словам испуганной помещицы, многие хозяева придерживались похожего поведения, готовы были бросить усадьбы и спастись бегством. А. Л. Толстая говорила, что Звегинцева советовала ехать в Петербург, планировала отказаться на будущий год от посева. Кроме того, Маковицкий передает ее реплики в пересказе А. Л. Толстой и относительно Ясной Поляны: она слышала, что «тросненские и телятинские мужики говорят, что у Л. Н. есть миллион для голодающих, а он его припрятал; что придут за этими деньгами и будут громить усадьбу» (21 ноября 1905 г.) [4].

Маковицкий отметил, что С. А. Толстая также несколько раз готова была бросить уездное имение, к примеру, сильное желание уехать в Москву преследовало ее 3 сентября 1907 г., когда «парни деревенские, приехавшие с телегами к огороду воровать капусту, обстреливали ригу, куда спрятались сторожа, караулившие капусту» [4]. И в этой ситуации, как мы можем судить, замечательно проявился волевой характер хозяйки усадьбы. По словам Маковицкого, «Софья Андреевна... не хочет попустить, хочет выдержать» (3 сентября 1907 г.) [4]. Толстые (только не сам писатель) принимали решения о сохранении ценных вещей, об усилении безопасности: С. А. Толстая серебро и другие ценности отвезла в музей, еще ранее наняла стражника, А. Л. Толстой заказал внутренние ставни.

В ситуации общей накаленности событий родные и друзья Толстого удивлялись невозмутимости писателя: «Он живет не так, как мы, внешними событиями. Источник его жизни — это он сам, внутри его. То, что вокруг него происходит, для него имеет гораздо меньшее значение, чем для нас» (22 ноября 1905 г.) [4].

17 июня 1906 г. о странных настроениях яснополянских мужиков рассказывала М. Л. Толстая, разговаривавшая с ними на покосе: «Старшие (Тарас Фоканов) были тише, младшие — особенно Евстигней — озлоблены. Знал, говорил и разделял все то, что пишет “Тульская жизнь”/ <...> Мы еще терпим, но иногда выхода нет, кроме погромов усадеб» [4]. Не менее тревожные новости о подстрекательстве мужиков к поджогу усадьбы отдельными людьми привез из Пирогова А. Л. Толстой. Правда, 21 июля 1906 г. он же рассказал о том, что зачинщик планируемого поджога усадьбы смог поджечь только забор среди деревни и был избит мужиками.

Неприятная ситуация в Ясной Поляне произошла в связи с вырубкой и кражей мужиками дубов, принадлежавших С. А. Толстой. Несмотря на явный факт кражи, писатель был на стороне мужиков

и несколько раз говорил супруге о необходимости их прощения. 9 октября 1906 г. Маковицкий пишет о суде, который должен был состояться по этому делу: «Завтра должен состояться суд над угрюмовскими крестьянами, срубившими дубы. Л. Н. уже третьего дня говорил приказчику, а вчера Андрею Львовичу, чтобы их простили» [4]. Для понимания ситуации и психологии укравших уместно привести цитату из статьи И. В. Скрябина об имущественных преступлениях в крестьянской среде: «Государственный закон однозначно запрещал воровство и сурово наказывал за него — от порки розгами до ссылки. В целом деревня была настроена отрицательно по отношению к нечистым на руку крестьянам. <...> В то же время при таком неодобрительном отношении к воровству любой селянин мог спокойно заскочить в ближайший лес и срубить без дозволения все, что ему было необходимо для своего хозяйства. Согласно своим правовым воззрениям общинники это противоречие объясняли просто: не является собственностью то, к чему не приложен труд. “Лесная порубка не является грехом”, — писали корреспонденты из Одоевского уезда Тульской губернии» [5, с. 19–20].

Ситуация с кражей дубов продемонстрировала разницу в воззрениях Толстого и С. А. Толстой, требовавшей совершения правосудия. Когда потом в июне 1907 г. Софье Андреевне «передавали слухи о яснополянских мужиках, что не пойдут работать — или только за повышенную плату», она, памятуя о дубах, говорила: «Пусть не надеются, что “граф нас отстоит”» [4].

Многие знакомые Толстых потерпели во время Первой русской революции значительные убытки, связанные с потерей усадеб и части имущества, представлявшего не только значительную материальную, но также культурную ценность. 3 июня 1907 г. по пути из Петербурга в Пальну заехала к Толстым С. А. Стахович: «Л. Н. сейчас же вышел к ней в залу, и она рассказывала про отца, переболевшего в Петербурге, про недавнее сожжение их жилого дома в Пальне, про вчерашний роспуск Государственной думы. <...> Сгорело все; дом деревянный. Жаль, главное, картин Репина, картин, лошадей, гравюры. Боятся, что теперь сожгут конный завод и что могут убить главного управляющего» (3 июня 1907 г.) [4]. Писатель очень сожалел по поводу убытков С. А. Стахович, но еще более сетовал на умножение злобы и ненависти, просил по мере возможности избегать участия в конфликтах, переживал о кризисе, который переживало русское общество. «Причина этому состоянию — безверие», — отметил Толстой (3 июня 1907 г.) [4].

Список источников и литературы

1. *Асмус В. Ф.* Толстой в дневнике Маковицкого: Эпоха. Мирозрение. Быт // Литературное наследство. — Т. 90. — Кн. 1: 1904–1910. — Москва : Наука, 1979. — С. 11–31.
2. *Колафа С.* Материалы о Толстом в Чехословакии: пражский архив Д. П. Маковицкого // Литературное наследство. — Т. 75: Толстой Л. Н. и зарубежный мир : в 2 кн. Кн. 1 : Статьи и речи писателей, письма, сообщения / гл. ред. И. И. Анисимов. — Москва : Наука, 1965. — С. 593–607.
3. *Краюшкина О. И.* Преступность в Тульской губернии в начале XX в. // Тульский краеведческий альманах. — 2015. — № 12. — С. 52–57.
4. *Маковицкий Д. П.* Яснополянские записки. — URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/makovickij-yasnopolyanskie-zapiski/index.htm> (дата обращения: 24.04.2022).
5. *Скрябин И. В.* Правовая культура российского крестьянства в конце XIX века (на примере материалов Тульской губернии) // Правовая культура. — 2018. — № 2(33). — С. 16–23.
6. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Чертова. — Т. 55: Дневники и записные книжки 1904–1906 / ред. Н. Н. Гусев. — Москва : Худож. лит., 1937. — XI, [1], 633 с.